

Настроение воюющих: утвердишася мужественно, показавше храбрость свою пред нечестивыми; поостри ярость свою на язык сей; умрети за святыя церкви, за истинную веру пострадати; град сей аки птицу руками своими возьмем (ср. то же в Азовском сидении).

Характеристика воинов: яко дивие звери поядаху, грады разоряюще; аки соколи изучени ударишася на многия жаровлиныя стада (ср. то же в Мамаевщине); спешаху (воины на битву) яко звани на брак сладкого вина пити; бѣ же их (воинов) яко травы сельные множество.

Битва: брань с ними составиша; закалаху яко свиней; вопль великий избыточествует повсюду от гласов убиваемых; копейным поражением и острыми стрелами граждан уязвляют и низлагают и конскими ногами попирают: в крови християнстей руки свои обагриша.

Как и в большинстве русских «воинских» повестей, враги-иноверцы и здесь называются «погаными» в противоположность русским — «християнам».

Столь любимое «воинской» повестью изобразительное средство, как сравнение, угодное описываемого события другому известному, служащее в то же время средством объяснить читателю смысл описываемого, дать оценку его, — и в нашей Повести нашло себе яркое выражение. Автор любит приводить для сравнения преимущественно события библейские, предпочитая при этом ветхозаветные; поэтому у него Куйша сравнивается с древним Амаликом, в другом месте — с Олоферном и Сисарой; подвиг казаков, избивающих татар Куйши — с подвигом Гедсона (ср. в повести о Динаре, отсюда в истории о Казанском взятии); вылазка защитников Тары под покровом ночи сопоставлена с уходом евреев из Египта под покровом облака и столпа огненного; нападение литовцев на Тюмень и гибель их напоминают автору эпизод о медном змии, а литовцы, поселенные в Тюмени и оттуда ушедшие, — иудеев, ушедших из Египта в пустыню.

Эти сопоставления даются автором Повести — кстати сказать — в виде обширных цитат (правда, не претендующих на буквальную точность сравнительно с библейским текстом) в объеме большем, нежели этого, казалось бы, требовали цели автора: словно он пользуется случаем поделиться с читателями своими сведениями по библейской истории.

Кажется, автору «Повести» не чужда местами и ритмичность речи в соединении с созвучиями в конце фразы или ее части, — черта, наблюдаемая, как известно, в некоторой степени и в «воинской» повести; так,

